

- ⁷⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. № 239. С. 281–282.
- ⁸⁰ Там же; АСПБИН РАН, ф. 124 (Коллекция С.В. Соловьева), оп. 2, д. 472.
- ⁸¹ *Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* Lwów, 1901. Т. 1. S. 205.
- ⁸² *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911. С. XXIII–XXV.
- ⁸³ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. М.; Л., 1961. С. 177.
- ⁸⁴ ААЭ. Т. 2. С. 326–327.
- ⁸⁵ СГГД. Ч. 2. № 277. С. 585.
- ⁸⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72–77.
- ⁸⁷ *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI–XVII вв. Саратов, 1976. С. 32.
- ⁸⁸ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 109.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. 89, д. 1 (1613 г.), л. 161–162; АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 234, л. 1 об.
- ⁹⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 78.
- ⁹¹ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 109.
- ⁹² Там же, д. 485.

© 2012 г. В. А. АРАКЧЕЕВ*

ЗЕМСКАЯ ИНИЦИАТИВА И ФИСКАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В РОССИИ В 1606–1616 ГОДАХ

Патриотический порыв, охвативший русское общество в 1609–1612 гг., оказался возможен в первую очередь по причине наличия в северо-восточных посадах и уездах России мощной организации земского управления. Несомненно, однако, что успех земского движения был также тесно связан с репрессивной фискальной политикой различных правительств, изымавших налоги для ведения войны. Мы будем называть такую политику фискальным принуждением в соответствии с определением Ч. Тилли, понимавшего под принуждением «осознанное обращение к действиям, которые обычно принимают вред или вызывают потери в людях или их имуществе, причем потерпевшие осознают как само направленное против них действие, так и потенциальный ущерб»¹. Настоящая статья посвящена изучению взаимовлияния двух обозначенных феноменов (патриотического движения и фискального принуждения) в 1606–1616 гг.

Первый опыт изучения земского движения на Севере России принадлежит перу публициста П. Голохвастова, исследовавшего события конца 1608 – первой половины 1609 г., связанные с борьбой против тушинцев². С.Ф. Платонов изложил историю земского движения согласно своей концепции выхода из Смуты благодаря инициативе и самоотверженности «среднего класса», представленного посадскими и служилыми людьми³. Он упоминал осуществлявшиеся тушинцами и поляками поборы с городов и уездов, но налоговую политику московского правительства и ополчений систематически не изучал. С.Б. Веселовский обратил внимание на полную неизученность фискальной политики времени Смуты. «Представляло бы огромный интерес сравнение финансовых приемов, к которым прибегали различные правительства, сменявшиеся последовательно во время Смуты, с приемами правительства Михаила Федоровича, –

* **Аракчеев Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и музеологии Псковского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Псковская земля в эпоху Смутного времени (начало XVII в.)», проект № 12-11-60002.

писал он. — К сожалению, вопрос этот в литературе совсем не разработан». Сам Веселовский сделал ряд точных наблюдений, касающихся сборов запросных денег, указав на запрос кн. М.В. Скопина-Шуйского 1609 г.⁴ Указанный пробел попытался восполнить П.Г. Любимов, проанализировавший денежное обеспечение II Ополчения в период его формирования⁵, но в целом историография XX в. в финансовую историю Смутного времени внесла мало нового. Показательно, что в единственной статье, в которой были системно изучены налоги в России XVII — начала XVIII в., Смута так и осталась белым пятном: Г.В. Абрамович лишь констатировал, что в 1614 г. «подати сразу увеличились в два с лишним раза по сравнению с началом XVII в.»⁶. Такая ситуация легко объяснима, ибо источники по истории финансов средневековой Руси до начала XVIII в. позволяют делать лишь опосредованные выводы, что продемонстрировала известная монография С.М. Каштанова, фактически посвященная истории иммунитета в России до 1584 г.⁷

Между тем источниковая база для исследования обозначенной проблемы имеется. А.В. Антоновым недавно введены в научный оборот ценные источники по истории борьбы за Нижний Новгород в 1609 г., среди которых указные грамоты Василия Шуйского и «сказки» служилых людей⁸. Помимо опубликованных документов, финансовая история Смуты отражена в архивных источниках, среди которых особое значение имеет столбец фонда «Приказных дел старых лет» РГАДА. Столбец, введенный в научный оборот М.М. Богословским, содержит документы, на которые ни он, ни другие исследователи не обращали должного внимания. Это 6 указных грамот царя Василия Шуйского земским старостам Устьянских волостей Устюжского уезда 1608–1610 гг., в которых описана фискальная история этого округа, начиная с лета 1606 г.⁹ Их информация дополняется документами, опубликованными в «Актах археографической экспедиции» и «Актах подмосковных ополчений и земского собора 1613 г.»¹⁰.

Воцарение Василия Шуйского сопровождалось введением чрезвычайных налогов. В царской грамоте Устьянским волостям содержатся сведения о том, что «в прошлом во 114-м году взято с них в польский поход за ратных людей по 25 рублей с сохи..., и тех де денег, что взято с них в польской поход за ратные люди, по нашему указу велено зачести половину в оброк вперед во 115 год»¹¹. Аналогичные данные содержатся в царской грамоте, направленной 2 мая 1610 г. в Устюг Великий, об освобождении вотчины Архангельского монастыря от налогов: «в прошлом де во 114-м году июля в 1 день платили они в нашу службу в польской поход 89 рублей 22 алтына 4 деньги»¹². Судя по «зачету» сумм, взятых в счет дани и оброка следующего года, действиям правительства Шуйского изначально, с 1606 г., были присущи черты конфискационной фискальной политики.

Следующий год, на который пришлась борьба с повстанцами Болотникова, также принес новые сборы: с Устьянских волостей «взято во 115 году на два месяца наемных денег ратным людям, которые были на нашей службе под Колугою»¹³. В грамоте 15 апреля 1608 г. описан механизм этого сбора: «от даточных людей были им убытки великие, конные у них имали по договору на месяц рублей по пяти и по шти, а до отстою даточные люди с волостных крестьян имали себе многие лишние деньги за посмех»¹⁴. Поскольку в 1608 г., как и в последующем 1609 г., с волостей было взято 44 человека даточных, то сумма изъятых с волостей денег на два месяца составляла не менее 440 руб. Данные о сборах с вотчин Архангельского монастыря более конкретны: «в прошлом во 115 году платили по нашему указу Василью Жеребцову по два человека с сохи на три месяца, и того де дано найму в тое службу ратным людям 145 рублей, да в том же во 115 году платили они с монастырския вотчины по нашему указу Панкрату Чулкову по 2 человека с сохи с лошадьми на три месяца, а дано де ратным людям найму 225 рублей, да прошлого ж 115 году платили они по нашей грамоте и по наказу... тем же ратным конным людям в переход на 2 месяца 150 рублей»¹⁵. Как видим, чрезвычайные сборы на ведение войны в 1606/07 г. по сравнению с предыдущим годом выросли более чем в 5 раз.

Следующий год ознаменовался борьбой уже с Лжедмитрием II, чье наступление на Москву летом 1608 г. потребовало новых наборов даточных людей и экстраорди-

нарных денежных взысканий. С Устьянских волостей вместо даточных людей в 1608 г. взяли «деньгами в нынешнем во 116 году декабря с 25 числа на три месяца месячного найму по два рубли за человека в месяц, всего 264 рубля»¹⁶. В то же время в отношении монастырей правительство прибегло к прямому изъятию округленных денежных сумм, не связанных ни с количеством даточных, ни с цифрами сошного письма. Как говорилось в царской грамоте 1610 г., с вотчин Архангельского монастыря «в прошлом де во 116 году дали они из монастырския же казны нам в запрос 500 рублей, да в том же году платили они по нашему указу подьячему Пятому Григорьеву с монастырския вотчины служивым людям на жалованье 132 рубли 8 алтын 2 деньги, да они ж де в те годы платили ямским старостам и ямским откупщиком с монастырския вотчины 289 рублей 25 алтын»¹⁷.

Наиболее трудным для правительства Шуйского оказался 117 (1608/09) г. Как показал И.О. Тюменцев, в сентябре 1608 г. войска тушинского вора предприняли попытку отрезать Москву от Замосковья и Поморья, и уже 18 октября 1608 г. присягу Лжедмитрию II принесли жители Ярославля¹⁸. Установив связь с крупными посадами Среднего Поволжья, правительство Шуйского немедленно требовало у местных властей войск и денег (как, например, у нижегородского воеводы А.А. Репнина 17 февраля 1609 г.)¹⁹. Однако доставить денежные сборы в столицу в условиях блокады не представлялось возможным. 1 января 1609 г. великопермские старосты и целовальники запрашивали у устюжан, «мочно ли из Перми... государева денежная казна и сметной список прошлого 116-го году к Москве устюжскою дорогою послати». Устюжане убеждали своих адресатов денежную казну не отправлять, «потому что наша устюжская дорога до Вологды чиста, а дале ныне ехати нельзе»²⁰. Антонов обратил внимание на тот факт, что сохранившиеся в архиве гетмана Я.П. Сапеги царские грамоты в Суздаль, Владимир, Муром, а также воеводам Ф.И. Шереметеву и И.Н. Салтыкову за апрель–май 1609 г. не дошли до своих адресатов²¹. Это, несомненно, свидетельствует о продолжении полной блокады Москвы тушинцами весной 1609 г., делавшей невозможным даже обмен информацией между столицей и северо-восточными уездами. В составе комплекса платежных отписок посадов и волостей Галичского уезда отсутствуют отписки за 117 г., что также свидетельствует о том, что правительством Шуйского налоги с галичских волостей не получались²². Территория Устюжского уезда в течение 1608/09 г. находилась вне пределов власти как правительства Шуйского, так и тушинцев, поэтому в этом году устюжане тоже налогов не платили, однако вынуждены были нести расходы на оборону своего уезда.

Эти оборонные мероприятия были инициативой исключительно земских властей, о чем определенно говорится в отписке пермскому воеводе из Сольвычегодска от 6 декабря 1608 г. Земский староста П. Извольский извещал о совместной с устюжанами, галичанами и жителями других заволжских посадов инициативе по сбору ратных людей «с малой сошки по десяти человек»²³. Как следует из царской грамоты Архангельскому монастырю, «во 115 (по-видимому, ошибка, должно быть – 117. – В.А.) году отпустили они без нашего указа ратных людей с Устюжских и с Усольских монастырских сошек с подьячим с Шестым Копниным 12 человек в Даниловское, и дано де им найму тем ратным людям на три месяца 54 рубли, да в том же году отпустили они без нашего ж указа ратных людей с Дмитрием Седловым к Вологде с Устюжских и с Усольских монастырских сошек 17 человек, и того де найму тем ратным людям на 3 месяца 79 рублей 26 алтын 4 деньги»²⁴. Кроме названных в цитированном фрагменте двух отрядов, в 1608/09 г. устюжане наняли и оплатили содержание еще четырех групп ратников, отправленных в Галич, к Костроме, на заставу в Брусенск и в Ярославль. На финансирование этих шести отрядов в общей сложности было израсходовано 253 рубля 26 алтын и 4 деньги, что сопоставимо с размером чрезвычайных налогов с монастырской вотчины в 1606/07 г.

В 118 (1609/10) г. М.В. Скопин-Шуйский, опираясь на силы заволжских городов, начинает решительную борьбу с тушинцами за Москву²⁵. Александрова слобода была занята войсками Скопина-Шуйского в октябре 1609 г.; туда же был направлен первый

отряд ратных людей из Устюга, набранных в том числе с вотчины Архангельского монастыря: «послали они ратных людей в Олександрову слободу к бояром нашим и воеводам ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с товарищи в полки нынешняго 118-го году с выборщиком с Алексеем Полозовым по 3 человека с сохи, а найму им дано с Архангельского монастыря на три месяца 51 рубль 32 алтына»²⁶. Спустя два месяца возникла серьезная угроза для городов Вятской земли, когда волжские казаки с отрядами стрельцов и «луговой черемисы» внезапно захватили Котельнич, укрепив его за собой. Устюжский воевода И. Стрешнев, находившийся в момент получения этого известия в Соли Вычегодской, на совещании с усольцами решил «наймывати поголовно на государевы деньги, а не с сох, многих людей, а что на те люди выйдет деньги из государевы казны, и те деньги приговорили собрати с сох опосле и отдати в государеву казну»²⁷. В грамоте Архангельскому монастырю эта инициатива земских властей Устюга и Соли Вычегодской описана так: «да нынешнего де 118 году отпустили они ратных людей без нашего указу к Вятке по человеку с сохи на два месяца, а дано им найму с монастырских сошек по 13 рублей 7 алтын 3 денги»²⁸.

Вслед за отправкой отряда к Котельничу для северорусских земств возникли новые вызовы: «Да они ж де нынешняго 118-го году отпустили ратных людей без нашего указу на заставу на Юг и на Молому для черемисского и воровских людей приходу, и тем де ратным людем дано найму и с додачею, что идет с монастырских костей, 7 рублей 10 алтын; да в нынешнем же де во 118-м году послали с Архангельского монастыря к бояром нашим и воеводам ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с товарищи в запрос 10 рублей». Общая сумма изъятых властями и истраченных самовольно без царского указа с монастырской вотчины денег «опроче данных и оброчных» за 1605–1610 гг. составила 2 620 рублей 7 алтын и 4 денги²⁹.

Черносошные крестьяне Устьянских волостей в 118 г. оказались перед необходимостью погашать недоимки по налогам за 1607/08 г. в объеме 167 рублей, выплачивать 388 рублей оброчных денег и посылать в сибирские города хлебные запасы. Кроме того, устьянцы указывали в челобитных, что «их же де Устьянских волостей ратные люди стоят на нашей службе и по ся места, а на наем им дают мирские деньги, да на них же де ныне правят по нашему указу запасы служивым нашим людем и иноземцом на корм». Выход был найден в феврале 1610 г., когда хлебные запасы для сибирских городов были заменены сбором фиксированной суммы в 700 руб. «служивым людем на жалованье.., а те деньги велели есмя Устьянских волостей крестьяном зачести вперед в оброчные деньги»³⁰. Кроме того, уже в мае 1610 г. последовало распоряжение правительства Шуйского взять с московских городов посошное ополчение из расчета по три человека с лошадей с сохи. Устьянские волости должны были немедленно прислать 45 руб. вместо набора посохи³¹.

Особый интерес представляет практика взимания запросных денег и особых сборов на служилых людей с Устюжского уезда. Как уже указывалось, в 116 (1607/08) г. Архангельский монастырь выплатил в запрос 500 руб. и одновременно выдал «служивым людем на жалованье 132 рубли 8 алтын 2 денги». В 1609/10 г. в запрос Скопину-Шуйскому было передано 10 руб., а в качестве денег «служилым людем на жалованье» устьянцы должны были дать казне 700 руб. с зачетом этих денег в будущие оброчные платежи. Можно ли считать деньги служилым людям на жалованье разновидностью запросных денег, или это особый вид фискальных сборов? Веселовский установил, что «слова запрос и запросные деньги употреблялись в нескольких смыслах: в смысле «чрезвычайных налогов независимо от их формы и объекта», либо в смысле займа «с обещанием вернуть долг или зачесть его в налоги»³². Как видим, выплата устьянцами 700 руб. с зачетом этой суммы в оброк будущего года вполне может быть названа запросными деньгами. Все чрезвычайные налоги взимались помимо ординарных. Доходные списки двух станом Каргопольского уезда 1606 г. и 1607 г. свидетельствуют о сборе всех видов налогов, существовавших в Русском государстве: «дани.., и ямские и приметные денги, и за горностаи, и за городовое, и за засечное, и за емчужное дело, и пищальные денги, и за посыпной хлеб, и мелкие оброки по писцовым книгам»³³.

Рассмотренная нами фискальная практика правительства Шуйского, выражавшаяся в росте чрезвычайных налогов, взимании недоимок и введении запросов, наглядно показывает масштаб ресурсного напряжения, которое должно было выдержать русское общество в 1606–1610 гг. Непрерывная борьба с неповинуящимися окраинами, повстанцами Болотникова, кондотьерами Лжедмитрия II, наконец, с регулярными войсками Речи Посполитой подорвала способность государства сохранять контроль над территорией страны. Тем не менее, северо-восточные посады и уезды продолжали поддерживать правительство Шуйского как войсками, так и финансами вплоть до момента его падения. В высшей степени показательным является факт пребывания даточных людей из Соли Вычегодской в Москве в сентябре 1610 г., когда от имени королевича Владислава было отправлено уведомление воеводе П.С. Нащокину об отпуске 70 сольвычегодских даточных по домам и распоряжение выплатить «на перестойные месяцы... наемные деньги посадским и сошным людям»³⁴.

Веселовский крайне скептически отзывался о фискальных мерах правительства Василия Шуйского, заявив, что оно прибегало «к беспорядочным займам у частных лиц и монастырей, большей частью безвозвратным» и не установило «ни одного сколько-нибудь значительного нового налога»³⁵. Однако установление новых налогов вообще представляет собой меру, принятие которой возможно лишь в условиях социальной стабильности; судьба налога на соль, установленного правительством царя Алексея Михайловича в 1646 г. и отмененного в декабре 1647 г., демонстрирует, что и спустя 30 лет после Смуты фискальные нововведения не приживались. В условиях же гражданской войны начала XVII в. фискальное принуждение могло осуществляться лишь путем повышения ставок существующих налогов, либо взимания экстраординарных платежей, подобных запросным деньгам. С нашей точки зрения, практика запросов, которой правительство Михаила Федоровича предпочло сбор пятинных денег, была дискредитирована не правительством Шуйского, а его свержением. Очевидно, что объявляя о сборе запросных денег, Шуйский рассчитывал расплатиться с налогоплательщиками в случае своей победы.

Финансовая политика правительства Шуйского выглядит адекватной стоящим перед ним целям, особенно в сравнении с фискальным принуждением, осуществлявшимся его главным противником – Лжедмитрием II. Даже немногие сохранившиеся документы из архива гетмана Сапеги свидетельствуют о крайней хаотичности мероприятий тушинцев по изъятию налогов. Так, Сапега уже в ноябре 1608 г. от своего имени отправлял людей собирать «кормы на рать» в Белозерском уезде и «сошные, и престольные, и монастырские деньги на роты польским людям» в Угличе. Это вызывало недовольство тушинского правительства, запретившего сапежинцу пану Очковскому взимать вытные деньги в Угличе³⁶. Конфликт Лжедмитрия II с гетманом на почве обеспечения войск произошел летом 1609 г. и в дворцовых селах Суздальского уезда, которые должны были готовить столовые запасы и курить вино для тушинского двора и одновременно были «розданы литовским людям на десять рот в кормление»³⁷. После распада тушинского лагеря и перемещения Лжедмитрия II в Калугу его попытки получить деньги с подданных стали напоминать неприкрытый грабеж. 4 июля 1610 г. Сапега направил в Великие Луки грамоту Лжедмитрия II с требованием немедленной отправки гетману «таможных и кабацких денег или каких доходов ни буди», сопроводив ее своим «запросом» о выдаче ему лично из этой суммы 15 тысяч золотых. Абсурдность ситуации состояла в крайне тяжелом экономическом положении пограничного города, в казне которого отсутствовали какие-либо денежные доходы³⁸.

Ключевым вопросом в контексте обозначенной проблематики является выяснение сквозь призму фискальной политики пределов распада государственных институтов в России в 1610–1612 гг. В российской историографии XIX–XX вв. традиционно считалось, что в период междуцарствия центральный аппарат управления был разрушен, а на местах царили беззаконие и произвол. В работах А.Л. Станиславского показано, что в оккупированных тушинцами и поляками регионах ситуация была крайне тяжелой, характеризовалась грабежами казаков и наемников. Однако проблема разрушения

государственного аппарата в 1610–1611 гг. в значительной степени была пересмотрена в новейших исследованиях Б.Н. Флори и Д.В. Лисейцева, выявивших континуитет в правительственной политике Шуйского и «семибоярщины»³⁹. Лисейцев справедливо интерпретировал известный в науке список бояр и дьяков, рекомендованных королю Сигизмунду для продолжения службы в московских приказах, не как полный перечень приказных судей. В список попали лишь кандидатуры бояр и дьяков, чья преданность королю была важна для контроля ключевых отраслей государственного управления и хозяйства⁴⁰.

Основная же масса дьяков и подьячих первоначально сохранила свои должности, что подтверждается документами по истории управления галицкими землями. 20 ноября 1610 г. от имени Владислава IV был дан наказ С.А. Левшину, назначенному «на приказ» для управления посадом Чухломы и черными волостями Чухломского уезда. Одной из основных задач Левшина было закрепление черносошных крестьян на их тяглых жеребьях и сыск беглых, в чем он был подотчетен дьяку Галицкой чети А. Подлесову⁴¹. По-видимому, Левшин приступил к выполнению своих обязанностей в Чухломе, поскольку в комплексе платежных отписей посадов и волостей Галицкого уезда сохранилась отпись 119 (1610/11) г., согласно которой ямские деньги с посада Чухломы были переданы по грамоте Владислава подьячему Большого прихода П. Насонову⁴². Если в январе 1609 г. оказывалось невозможно доставить денежные доходы через Устюг в Москву, то к началу ноября 1610 г. проехать к столице с денежной казной было можно, о чем устюжане писали в Пермь: «К нам, господа, с Москвы от государя царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всяя Руси многия грамоты присланы для денежных доходов, и у нас сколько денег в сборе есть, и мы отпускаем к Москве»⁴³.

Однако господство правительства Владислава в посадах и уездах Замосковского края оказалось кратковременным; несмотря на то, что еще 24 февраля 1611 г. костромское ополчение во главе с воеводой кн. Ф. Волконским выступило к Владимиру на соединение с другими «городами», Сапега в апреле того же года укорял костромского воеводу в том, что костромичи «всею землею» государю Владиславу изменили⁴⁴. В марте земский староста и целовальники Соли Вычегодской писали в Пермь, что они «ратных людей наняли со всяким с боевым оружием с малые сошки по три человека и послали в Ярославль и в иные города, где пригож, в сход к воеводам и под Москву со всех московских городов к ратным людям в сход»⁴⁵. Служилые люди Костромы и Галича весной 1611 г. «всем городом» оказались в составе I Ополчения, материальное обеспечение которого по причине скудости источников до настоящего времени остается неизученным.

Исследователями многократно подвергалась анализу ст. 20 приговора Земского собора I Ополчения 30 июня 1611 г. Ее, однако, следует рассматривать в контексте других актов собора, длившегося несколько дней. Результатом его работы стали указные грамоты, рассылавшиеся по уездам по мере их принятия, как, например, грамота от 29 июня 1611 г. из Владимирской чети во Владимир о немедленном сборе и присылке доходов и фискальной документации. Содержание начальной части грамоты вызывает недоумение, поскольку владимирскому воеводе Г.И. Окинфову еще «прежним наказом» предписывалось собрать и прислать «четвертные и Большому приходу окладные и неокладные всякие денежные доходы», которые воевода «в полки августа по... число не присылывал»⁴⁶. Как известно, в августе предыдущего 1610 г. I Ополчения не существовало даже в проекте, однако дело заключалось, видимо, в правопреемстве Ополчения вооруженным формированиям, вошедшим в его состав. В 1609–1610 гг. в Суздале стояли войска А. Просовецкого, неоднократно атаковавшие Владимир и наверняка организовывавшие «приставства» в волостях Владимирского уезда. Видимо, кормы за 118 (1609/10) г. ими получены не были, и когда на исходе зимы 1610/11 г. отряды Просовецкого влились в состав I Ополчения, его руководство предписало владимирскому воеводе прислать в полки недоимки по кормам «пахолкам» Просовецкого⁴⁷. В грамоте от 29 июня констатировалось: «Вы ныне всякие окладные и неокладные деньги, збирая мимо Розряду присылаете к бояром по полком, и те деньги емлют бояре

без мирского ведома и дают их неведомо на какие розходы, и те деньги пропадают меж рук»⁴⁸. В ней содержалось предписание о том, чтобы деньги из городов привозить в Большой Разряд или в четверть, и лишь оттуда отдавать по мирскому приговору на расходы, а также знаменитый ультиматум Ляпунова: «И будет ваши посыльщики вперед деньги учнут привозити мимо Большого Розряда или Володимирские четверти, и я, Прокофей, ото всего дела и от земсково промыслу отступлюся»⁴⁹. Очевидно, что ст. 20 приговора Земского собора 1611 г. преследовала своей целью прекратить порочную практику бесконтрольного присвоения собранных налогов воеводами и атаманами с единственным отличием от грамоты 29 июня: в приговоре вместо Большого Разряда в качестве приходной и расходной кассы упомянут Большой приход⁵⁰.

Сохранившиеся платежные отписи посадов и волостей Галицкого уезда за 1611 г. дают возможность проверить, выполнялось ли это постановление на практике. 6 из 9 отписей, датированных 20 июня и 12 июля 1611 г., даны по приказу боярина и воеводы кн. Д.Т. Трубецкого дяками Д. Хвицким и М. Огарковым⁵¹. Веселовский уверенно утверждал, что Огарков до августа 1611 г. служил дяком в Галицкой четверти, но воздержался от предположений по поводу места службы Хвицкого⁵². Пять отписей о взимании четвертных доходов, данных Хвицким, позволяют предположить, что он также служил в Галицкой четверти, одновременно с Огарковым. Изъятие налогов четвертными дяками с несомненностью свидетельствует, что, по крайней мере, в течение месяца вплоть до убийства Ляпунова постановления собора о регламентации фискальной практики выполнялись.

Однако три отписи, датированных 15 августа 1611 г., позволяют уже предположить, что после гибели Ляпунова руководство I Ополчения вернулось к старой практике изъятия налогов непосредственно атаманами станиц и воеводами полков: «Лета 7119-го августа в 15 день взято в полк боярина и воеводы Дмитрея Тимофеевича Трубитцково на корм атаманом и казаком с Усней с Воскресенского приходу четвертных денег у целовальника у Симанка Денисова 9 рублей и 21 алтын 2 деньги. А деньги у него взял на свою станицу атаман Булат Чермного»⁵³. Платонов, анализируя последствия распада I Ополчения, писал, что «правительственная организация, созданная усилиями земщины, теперь стала служить казачеству», и что «казацко-воровское правительство... овладело только что созданным в рати 1611 года правительственным устройством»⁵⁴. Если исходить из практики сбора налогов ополченцами, следует признать, что от созданного «советом всея земли» правительственного устройства дуумвират И.М. Заруцкого и кн. Трубецкого унаследовал лишь фискальный аппарат, в то время как правильная организация сборов и распределения налогов в ополчении была утрачена. Входившие в его состав вооруженные формирования присвоили себе право на принуждение и насилие, легитимность которых была сомнительна.

В отличие от I Ополчения, нижегородская инициатива изначально строилась на принципах, укорененных в особенностях тяглого строя Русского государства. Еще Платонов показал недостоверность «басен» о введенной Кузьмой Мининым «торговле людьми», под которой в источниках понимался широко распространенный обычай личного найма по жилым записям⁵⁵. В исследованиях Платонова, Любомирова и Веселовского были выяснены основы материально-финансового обеспечения II Ополчения в 1611 – начале 1612 г., в период пребывания в Нижнем Новгороде. Веселовский показал, что основные средства Ополчением были получены путем введения принудительного займа с посадских людей – пятой доли их «животов» и промыслов⁵⁶. Гораздо хуже изучена административно-фискальная практика периода пребывания Ополчения в Ярославле, хотя освещающие ее источники были введены в научный оборот еще в начале XX в. В составе комплекса платежных отписей галицких волостей и посадов имеются 23 документа, относящиеся как раз к «ярославскому» периоду истории II Ополчения; они содержат представительный материал для суждений по этой проблеме.

Главные силы Ополчения кн. Д.М. Пожарского вошли в Ярославль в конце марта – начале апреля, а покинули город 27 июля 1612 г.⁵⁷ Уже в апреле фискальный аппарат Ополчения начал свою работу с взимания ямских денег: 9 апреля датирована отпись

об их взятии с галицкой вотчины Симонова монастыря, данная И.Я. Горихвостовым и заверенная его печатью. С 12 мая таможенные, кабацкие, оброчные сборы взимал дьяк Василий Юдин по отпискам И.Я. Горихвостова и подьячего Ю. Лихачева. Из этого можно заключить, что Горихвостов занимал некую ответственную должность в Соли Галицкой, возможно, находился там на воеводстве. Следует предположить, что процесс складывания приказного аппарата Ополчения в Ярославле потребовал некоторого времени; факт выдачи отписи о сборе ямских денег с монастырской вотчины местным воеводой или губным старостой говорит об отсутствии в правительстве II Ополчения в первой половине апреля 1612 г. Галицкой четверти⁵⁸. Руководивший в дальнейшем этим приказом дьяк Юдин собирал налоги с галицких посадов и волостей уже в мае, как следует из данных им в этом месяце отписей.

Однако впервые Галицкая четверть упомянута в платежной отписи от 20 июня 1612 г., когда Юдин брал в земскую казну оброчные деньги «по отписке Гордия Пальчикова да подьячево Богдана Кондратьева»⁵⁹. Последняя отпись, данная Юдиным как главой Галицкой четверти, датирована 29 июля 1612 г., когда главные силы Ополчения во главе с Пожарским уже покинули Ярославль, а земское правительство и его приказы еще некоторое время, видимо, оставались в городе. Сбором налогов для Ополчения занимались не только приказы, но и другие должностные лица. Отписи о сборе оброчных денег за пользование сенокосами и рыболовецкими угодьями от 9, 12 и 13 июля были даны «по совету всей земли» Гордеем Афанасьевичем Пальчиковым и подьячим Богданом Кондратьевым. Пальчиков – болховский помещик, отец которого прославился тем, что в 1604 г. был отправлен в Польшу для изобличения в самозванстве Григория Отрепьева, а в 1606 г. был казнен по приказу Болотникова: «распал к городской стене, и стоял прикован до вечерни, а потом... велел с башни убить». Г.А. Пальчиков в 1614 г. в должности стрелецкого головы участвовал в походе И.Н. Одоевского на Астрахань и руководил операцией по захвату Заруцкого, Марины Мнишек и «воренка»⁶⁰. Осуществлявшаяся Пальчиковым в июле 1612 г. под руководством «совета всей земли» деятельность убеждает в том, что он, подобно Горихвостову, выполнял обязанности воеводы или губного старосты в Галицком уезде.

Наибольший интерес вызывает номенклатура и размеры взимавшихся с галицких посадов и волостей налогов. Уже власти I Ополчения брали с тяглого населения как косвенные, так и прямые налоги: оброчные четвертные деньги, ямские деньги и таможенные сборы. Отсутствие в перечне налогов данных и полоняничных денег, скорее всего, объясняется недостаточной репрезентативностью дошедших до нас отписей за 1611 г.; как следует из отписи Пальчикова от 10 июля, руководство II Ополчения получало данные и полоняничные деньги с волости Верхняя пустынь⁶¹. Правительства Ополчений с крайней осторожностью осуществляли свои фискальные мероприятия: в доступных сравнению случаях размеры взимаемых налогов в 1612 г. совпадали с налогами за 1611 г. Например, четвертные оброчные деньги и в 1611, и в 1612 г. взимались с Конявинской волости в размере 18 руб., с Васютинской – 27 руб.⁶² Как и предшествующие правительства, «совет всея земли» прибегал к двум апробированным способам поддержки войска (помимо ординарных налогов): сбору запросных денег в счет будущих налогов (например, из кабацких доходов с посада Чухомы в размере 70 руб.) и набору даточных людей⁶³. Однако значительного развития эти формы фискального принуждения не получили. Зададимся вопросом: только ли несовершенство налогового аппарата и быстротечность кампании 1612 г. препятствовали применению этой практики? Почему Ополчения не прибегали к чрезвычайным налогам, например, запросам, а правительства Шуйского и Романова активно их использовали? Причиной этого была меньшая легитимность ополченских правительств, особенно I Ополчения, представлявшего собой плохо сплоченный конгломерат вооруженных формирований, верных своим вождям. Не следует сбрасывать со счета и большую эффективность ополченских правительств, не перегруженных избыточным штатом чиновников и не обязанных нести расходы на содержание царского Двора. По подсчетам П.Н. Милюко-

ва, в 1616 г. на содержание Государева Двора даже без учета жильцов пошло не менее 26 тыс. руб.⁶⁴

Интронизация Михаила Федоровича привела к активизации фискальной политики, и весной–летом 1613 г. на посадах начался сбор «запросных денег», носивший добровольный характер. До настоящего времени наиболее обстоятельным исследованием чрезвычайных налогов второго десятилетия XVII в. является труд Веселовского. Исследователь обоснованно предположил, что правительство не могло сделать этот заем принудительным по причине слабости государственного аппарата, а также выяснил незначительность собранных средств⁶⁵. Как показывает изучение платежных отписей галицких волостей и посадов, взимание ординарных налогов также не давало должного эффекта. Суммы оброчных денег, взимавшихся в 1613 г., в сопоставимых случаях равны величине оброчных денег за 1611–1612 гг., как, например, с волости Вага, где на протяжении трех лет их величина составляла 19 руб.⁶⁶ Неудивительно поэтому, что зимой 1613/14 г. правительство попыталось компенсировать недостаток средств введением нового налога – хлебных запасов и денег за них ратным людям на жалованье. Веселовский предположительно высчитал оклад этого налога, составивший за 1613/14 г. около 115 тыс. руб., что было совершенно недостаточно для нужд поместной армии и переходивших на сторону правительства казаков⁶⁷.

Разрушение сошного письма и отсутствие новых данных о платежеспособных силах населения заставили правительство перейти к новой системе взимания налогов⁶⁸. Первый сбор пятинных денег был введен по постановлению Земского собора в апреле 1614 г. Теоретически пятинные деньги подпадают под категорию квотативных налогов, «когда фикс определяет лишь долю, которую должен заплатить тот или иной объект обложения, не назначая заранее суммы налога»⁶⁹. Первая пятина была наложена в основном на имущество торгово-промышленного класса, пятая доля которого должна была взиматься государством. Посадские и торговые крестьяне, имевшие имущества и промыслов менее чем на 10 руб., от налога освобождались. Веселовский показал, что первая пятина не для всех категорий плательщиков была налогом в полном смысле этого слова, так как для одних она была зачтена в недоимки по налогам, а для других – в будущие налоги. В 1614 г. правительство Романовых контролировало меньшую часть страны, и сумма сборов первой пятины была мизерной, не превышая 75 тыс. руб.⁷⁰ Второй сбор пятинных денег был назначен в апреле 1615 г. и представлял собой комбинированный налог, взимавшийся с торгово-промышленного населения в форме пятой части движимого имущества и с сельского населения в размере 120 руб. с сохи⁷¹. Введенная в марте 1616 г. третья пятина практически отступала от квотативного принципа: сборщики первых пятин получили задание привезти в Москву окладные книги и росписи сбора, и правительство к началу 1616 г. могло с большой точностью определить оклады крупнейших посадов. Так, посад Соли Вычегодской был положен в оклад 5 тыс. руб., а с тяглого населения, не занимавшегося торговлей, как и в 1615 г., взимался налог в размере 120 руб. с сохи. Третья пятина дала в казну около 190 тыс. руб. В то же время, как указывал Веселовский, сборы пятинных денег не только не покрывали всех текущих потребностей государства, но и не являлись основными в его бюджете. По его подсчетам, даже третья, самая тяжелая для населения пятина, дала не более 25% всех поступлений в казну⁷².

Одновременно с фискальным принуждением, осуществлявшимся правительством Романовых, свою систему взимания налогов выстраивает шведская администрация в Новгороде и его землях. Репрезентативные данные содержатся в широко известном в науке документальном комплексе – материалах Новгородского оккупационного архива⁷³. Объем и номенклатуру собираемых с посадского населения Новгорода налогов установить затруднительно. Из дела Новгородской четверти 1676 г. известна выпись из дозорной книги В. Овцына 1606/07 г., согласно которой с сохи на Торговой стороне Новгорода взималась сумма в 41 рубль 23 алтына и 5 денег⁷⁴. Она сопоставима с данными о посошном обложении других посадов в конце XVI – начале XVII в.: так, например, с посада Вологды взималось от 33 до 42 руб. с сохи. Однако в эту сумму

входили данные, ямские, приметные, полоняничные, пищальные деньги⁷⁵. Детальный анализ документов Новгородского оккупационного архива позволяет выявить особенности фискальной системы в Новгороде 1611–1616 гг., в частности, ответить на вопрос, заменяли ли «солдатские деньги» другие налоги или же они вводились в дополнение к уже существующим.

Наиболее спорным в силу состояния источников является вопрос о номенклатуре и способах взимания прямых налогов. В составе оккупационного архива находятся недатированная «Книга сбора денег» и «Книга сбора солдатских денег» 1614–1616 гг.⁷⁶, в которых зафиксирован порядок взимания прямых налогов с посадского населения Новгорода. Как и в других русских городах, ответственными за сбор денег были руководители земского управления – пятиконецкие старосты. В книге 1614–1616 гг. зафиксирован также институт денежных сборщиков, на должности которых выдвигались поочередно посадские люди.

Рассмотрение порядка сбора налогов целесообразно начать с анализа и датировки «Книги сбора денег». Недатированный фрагмент фискального кадастра охватывает период с 1 января по 15 февраля, когда 6 групп из 13 сборщиков налогов должны были через день или ежедневно собирать деньги с непоименованных тяглецов. Некоторые из тяглецов самостоятельно приносили деньги в съезжую избу. Поскольку они были названы посадскими людьми, а упоминаемые в том же документе Федор Одинцов с Константином Лазаревым должны были собирать деньги с Софийской стороны, полагаем, что в источнике идет речь о сборе денег с посада Великого Новгорода. Количество ежедневно собираемых каждой группой «борцев» денег колебалось от 9 до 200 руб., что в течение 1–1.5 месяцев составляло суммы от 1 450 до 3 630 руб. Итоговая сумма собранных налогов в сохранившемся фрагменте книги составляет 12 580.5 руб. Главный вопрос состоит в определении сущности исчисленных в книге налогов и их сопоставлении с известными из других источников цифрами. По данным Д. Флетчера, в 1580-х гг. в Новгороде собирали 35 тыс. руб. четвертных сборов⁷⁷. Сумма в 12.5 тыс. руб. предположительно может быть определена как треть годовой суммы основного прямого налога, до оккупации поступавшего в Новгородскую четверть.

Датировка «Книги сбора денег» 1613 годом была осуществлена К. Якубовым субъекто предположительно и без убедительной аргументации⁷⁸. Полагаем, что она может быть уточнена. Среди сборщиков налогов упомянуты Овсей Резанов и подьячий Иван Заденский, которым было «велено собрати 1 658 рублей 25 алтын»⁷⁹. Резанов и Заденский собирали налоги в период с 1 по 31 января, когда у них по частям забирали деньги в съезжую избу. Между тем, среди документов второй серии оккупационного архива имеется подборка челобитных и памятей 1612–1615 гг., в числе которых датированная 2 января 1614 г. память упомянутым сборщикам – Овсею Дмитриевичу Резанову и подьячему Ивану Заденскому⁸⁰. В памяти сборщикам предписано «взяти с Первого детей Прокофьева с Степана да с Ивана» «по боярскому приказу» половину ординарного налога по причине отсутствия их отца, отправленного «для государева дела в Свєю»⁸¹. Полагаем, что с высокой степенью вероятности «Книга сбора денег» может быть датирована январем–февралем 1614 г.

Второй источник известен как «Книга сбора солдатских денег» 1614–1616 гг. Книга состоит из трех разделов, соответствующих календарным годам: до 19 апреля 1614 г., 26 сентября 1614 г. – 2 сентября 1615 г., 12 сентября 1615 г. – 8 августа 1616 г. Задачи составления книги предельно точно оговаривались в преамбуле к респиси сбора денег 28 декабря 1614 г.: «Лета 7123-го декабря в 28 день по выбору пятиконецких ноугородцких старост Кирилла Молодожника с товарищи посадские тяглые люди салдатцких денег зборщики Третьяк Молоков серебряник да Иван Офонасьев колачник збирали по окладным книгам гостя Первого Прокофьева с товарищи по разкладу пятиконецких старост Кирилла Молодожника с товарищи с ноугородки по 26 алтын по 4 деньги. И что взято у прежних зборщиков, и что с Софейские стороны и с Торговые улитцкие зборщики салдатцких денег своих зборов собрав приносили, и тому книги»⁸². Собранные деньги передавались «в государеву казну» на имя Я. Делагарди.

Известные суммы сборов с посада Новгорода в 1613–1616 гг. (руб.)

Виды налогов \ Годы	1613/14	1614/15	1615/16
Четвертные доходы	12 580.5*	—	—
Деньги на солдатский корм	2200**	13 387	18 050

* Вероятно, треть годовой суммы.

** Вероятно, сумма сбора за 1 месяц.

Технология сборов денег на протяжении трех лет менялась. Два первых «бора», последний из которых датирован 19 апреля 1614 г., охватывали, видимо, месячный период, поскольку за один «бор» собирали более 1 100 рублей. С сентября 1614 г. сбор денег производился три раза в месяц, причем до 7 марта 1615 г. за один «бор» собирали по 400 руб., а с 17 марта – по 350. С 13 августа 1615 г. к сборам с посада прибавились сборы с новгородских монастырей в размере 89 руб. (к маю 1616 г. они выросли до суммы в 350 руб.). Всего с посада Новгорода и монастырей за 1614/15 г. было собрано 13 387 руб. солдатских денег, а за 1615/16 г. – 18 050 руб. (см. табл.).

Анализ «Книг сбора денег» показывает различие методов фискального принуждения, применявшихся на северо-западе России шведами, а в центре страны – правительствами Ополчений и Романовых. Шведские власти не ставили своей целью стимулировать восстановление хозяйства на оккупированных территориях. В Новгороде и его земле последовательно взимались налоги, основанные на равномерной подворной или пососной раскладке. При наличии разветвленной земской организации самоуправления все налогоплательщики тяглых общин контролировали друг друга, чтобы избежать уклонения от налогов. Результатом стало прогрессирующее разорение Новгородской земли, выраженное в убедительных цифрах описи 1617 г.⁸³

Правительство Романовых использовало другие способы фиска, основанные на сборе запросных и пятинных денег. Веселовский крайне скептически отзывался о методах фискальной политики правительства царя Михаила Федоровича, указывая, что пятинные деньги парализовали торгово-промышленную активность посадского населения⁸⁴. Однако объективно оценить результативность налоговой политики возможно лишь путем сравнения платежеспособности населения после завершения ее цикла. Милюков подсчитал сборы всех видов налогов в 1620 г. в двух крупных административных центрах страны: Великом Новгороде и Нижнем Новгороде с уездом. В то время как Великий Новгород с учетом сбора хлеба на жалованье ратным людям дал в казну всего 6 670 руб., Нижний Новгород, переживший к этому времени семь сборов запросных и пятинных денег, дал 30 548 руб.⁸⁵ По-видимому, не будет преувеличенным вывод о том, что фискальная политика правительства Романовых оказалась адекватна задачам восстановления платежеспособных сил страны. Такую плату за социальный мир не следует считать чрезмерной, в особенности в сопоставлении с высокой ценой, уплаченной народом в годы Смуты за восстановление государственного порядка.

Примечания

¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 46.

² Голохвастов П. Земское дело в Смутное время // Русь. 1883. № 1, 2, 4, 6.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 258–355.

⁴ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 5, 10.

⁵ Любимиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения. М., 1939. С. 54–58.

- ⁶ *Абрамович Г.В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 76.
- ⁷ *Кашианов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- ⁸ *Антонов А.В.* К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240.
- ⁹ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 43–58.
- ¹⁰ Акты Археографической экспедиции (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836; Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. (далее – АПО). М., 1911.
- ¹¹ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 47.
- ¹² ААЭ. Т. 2. № 158. С. 269.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 47, 49.
- ¹⁵ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 269.
- ¹⁶ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 49.
- ¹⁷ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 270.
- ¹⁸ *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII в. М., 2008. С. 284, 303.
- ¹⁹ *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 216.
- ²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. 2. СПб., 1841. № 141. С. 163.
- ²¹ Там же. С. 199.
- ²² АПО. С. 161.
- ²³ АИ. Т. 2. № 109. С. 139.
- ²⁴ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁵ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 260–261.
- ²⁶ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁷ АИ. Т. 2. № 271, IV. С. 324.
- ²⁸ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 55–56.
- ³¹ Там же, л. 57–58.
- ³² *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 9.
- ³³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.). М., 1914. № 105. С. 357–358.
- ³⁴ АИ. Т. 2. № 292. С. 352.
- ³⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 6.
- ³⁶ АИ. Т. 2. № 102. С. 134; № 105. С. 135.
- ³⁷ Там же. № 234. С. 276–277.
- ³⁸ Там же. № 285. С. 343–344.
- ³⁹ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005. С. 320–369.
- ⁴⁰ *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 476–517.
- ⁴¹ Древняя российская вивлиофика. Ч. XI. М., 1790. С. 368–369.
- ⁴² АПО. С. 163–164.
- ⁴³ Акты времени междоусобицы (1610–1613 гг.) М., 1915. (далее – АВМ). С. 5.
- ⁴⁴ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 344; АИ. Т. 2. № 327. С. 394.
- ⁴⁵ АВМ. С. 7.
- ⁴⁶ АПО. № 1. С. 3.
- ⁴⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 337–338.
- ⁴⁸ АПО. № 1. С. 3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 49.
- ⁵¹ АПО. С. 162–163.
- ⁵² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 382, 554.
- ⁵³ АПО. С. 163.
- ⁵⁴ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 333.
- ⁵⁵ Там же. С. 344–345.
- ⁵⁶ *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 54–58; *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 52.
- ⁵⁷ Там же. С. 93, 147.

- ⁵⁸ АПО. С. 164.
- ⁵⁹ Там же. С. 165.
- ⁶⁰ *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 270–271; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 76–78.
- ⁶¹ АПО. С. 168.
- ⁶² Там же. С. 162, 166, 168.
- ⁶³ Там же. С. 178; АИ. Т. 2. № 336. С. 402.
- ⁶⁴ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 35–36.
- ⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 11–12.
- ⁶⁶ АПО. С. 162, 168, 186.
- ⁶⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 23.
- ⁶⁸ Там же. С. 18–25.
- ⁶⁹ Там же. С. 34.
- ⁷⁰ Там же. С. 51.
- ⁷¹ Там же. С. 59–60.
- ⁷² Там же. С. 61–62, 77–78.
- ⁷³ Детальная характеристика этого собрания дана в каталоге: *Lofstrand E., Nordquist L.* Accounts of an Occupied City. V. I–II. Stockholm, 2005.
- ⁷⁴ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.
- ⁷⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152.
- ⁷⁶ Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1:2, 1:35.
- ⁷⁷ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 334.
- ⁷⁸ *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. 1. С. 1–38.
- ⁷⁹ RA, NOA. Serie 1:35. Л. 4.
- ⁸⁰ *Lofstrand E., Nordquist L.* Op. cit. V. II. P. 56.
- ⁸¹ RA, NOA. Serie 2:23. Л. 4.
- ⁸² RA, NOA. Serie 1:35. № 21. Л. 154.
- ⁸³ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 153–168.
- ⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 87–88.
- ⁸⁵ *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 17–18.

© 2012 г. Ч. ДАНИНГ*

ТЕРРОР КАК СРЕДСТВО ВОЗМЕЗДИЯ И НАКАЗАНИЯ ВО ВРЕМЯ СМУТЫ В РОССИИ (1604–1607 гг.)

Советские историки, изучавшие Смутное время, описывали его как масштабную крестьянскую войну. Они часто изображали жестокие расправы мятежников над знатью (например, сбрасывание с высоких башен богатых и знатных особ под радостные крики толпы)¹. Такие события действительно имели место, но они были ошибочно интерпретированы в работах историков. Рассматривая акты возмездия и наказания через призму социальной революции, историки шли в неверном направлении и в значительной степени исказили образ самозванцев. Мне уже приходилось писать ранее, что в России в начале XVII в. не было крестьянской войны. Страна пережила свою

* **Даннинг Честер**, доктор исторических наук, профессор Техасского университета А&М (США).

Перевод с английского Д.А. Ляпина (Елец).